

<http://n-europe.eu/content/index.php?p=1262>

Проблематизируя гегемонию национального государства в Беларуси

Александр Першай, 05.03.2007

Производство интеллектуальных дискурсов как производство ресурсов

Как отмечает Кэтрин Вердери, «в современную эпоху нация стала мощным символом и основой классификации в международной системе национальных государств». В свою очередь, национализм «представляет собой политическое применение символа нации при помощи дискурса и политической деятельности, а также чувство, которое заставляет людей реагировать на его применение» [1]. Тем не менее, идею «национального государства» и ее воплощения можно рассмотреть в контексте более обширных гегемонных образований. Такие конструкции действуют на уровне «здорового смысла», легитимирующего существующий социальный порядок и распределение экономических ресурсов, а также оказывают влияние на отношения между государством и нацией.

Интеллектуальный и политический национальный дискурс различен в разных странах. Так, в Беларуси новые национальные проекты не находят отклик у ее граждан. Националистически настроенные интеллектуалы хоть и производят, но не могут «донести» белорусам национальную идею. В этой статье я обращаюсь к теме производства интеллектуальных дискурсов национального государства в Беларуси и прослеживаю их связь с ее современной политической и социальной ситуацией. Стержнем статьи является исследование процесса национального строительства в Беларуси как развития мифа национального государства. [2]

Беларусь находится «на краю Европы». [3] Располагаясь между Россией и Польшей, а с недавних пор уже Европейским Союзом, и, говоря вообще, между Востоком и Западом, эта страна занимает особое место в географии Центральной Европы. Территория Беларуси была разделена много раз, в разные времена ее части присоединялись к Польскому королевству, Российской империи и Советскому Союзу. [4] После распада СССР в 1991 году Беларусь обрела независимость вместе с другими пост-советскими государствами. С 1994 года в Беларуси установился авторитарный режим президента Александра Лукашенко. В данное время в Беларусь пытается переосмыслить свое место в контексте пост-коммунистического и пост-колониального общества. Новые научные и интеллектуальные парадигмы, появившиеся в Центральной и Восточной Европе после распада СССР, породили академический дискурс, который требует пересмотра понятия (новой) белорусской национальной идентичности.

Национальные дискурсы в Беларуси

В белорусском национальном дискурсе можно выделить три основных проекта. Первый – это идея «возвращения» Беларуси на ее «исконное» место в Европе. Этот проект поддерживается в основном западно-ориентированными интеллектуалами, а также демократически настроенной городской интеллигенцией и молодежью. Аргумент «назад в Европу» представляет Беларусь как часть, или

даже географический центр Европы, и тем самым ставит группу, выдвигающую этот аргумент, в привилегированную позицию. В рамках этого аргумента происходит реконструкция истории Беларуси исключительно внутри европейского контекста, подчеркивая, что Беларусь была и является европейским государством, однажды погруженным во тьму польской и российской колонизации. Особенностью этого нарратива является переписывание и колонизация прошлого. Он подразумевает, что граждане Беларуси должны «пробудиться» и «вспомнить» о своей «европейской принадлежности» и «подлинной» причастности к различным европейским историческим образованиям, в т.ч. Великому Княжеству Литовскому и его печатной культуре старобеларусского языка 16 века. [5] Такой подход к новой белорусской идентичности включает «ностальгическую идеализацию своего воображенного „я“» в попытке «избавиться от советского клише, будто нация не имеет собственной истории вне советского контекста» [6]. К числу проблемных мест позиции «назад в Европу» относится подчеркивание роли белорусского языка как единственного национального языка и реконструкция белорусской истории в европейском контексте – далеко не всегда эти постулаты находят отклик у белорусов.

Второй проект реконструкции белорусской национальной идентичности опирается на идею «славянского братства». Эта идея ставит целью воссоединение с Россией (и возможно с другими государствами бывшего СССР), и последующим воссозданием утраченного рая Советского Союза. Идея славянского братства активно продвигается белорусским руководством и поддерживается старшим поколением людей, вкусивших «стабильной» жизни в СССР. [7] Этот проект пытается продемонстрировать универсальную выгоду от (экс- или про-) советской системы с ее политической стабильностью и государственным регулированием распределения ресурсов. Тем не менее, для многих белорусов возвращение советского строя ассоциируется с восстановлением железного занавеса, военным вторжением в Афганистан, скрытой дискриминацией евреев, политической цензурой и репрессиями. В то же время, после распада СССР все «советское» превратилось в «русское», и эта подмена отказывает в существовании всем другим пост-советским национальным идентичностям. Поэтому многие белорусы конструируют свою национальную идентичность в оппозиции к «русскому», пытаясь сохранить национальное своеобразие и подчеркнуть то, что находится под угрозой исчезновения. Мифология славянского братства, таким образом, подрывает автономию белорусской идентичности, представляя Россию – бывший центр – как «старшего брата» Беларуси и Украины. Последние, в свою очередь, представлены как меньшие, недоразвитые и зависимые «родственники».

Последний проект, также взятый на вооружение государственной пропагандой, реконструирует белорусскую идентичность по отношению к «боли» Великой Отечественной войны. [8] Эта точка зрения подчеркивает жертвенную роль Беларуси в ходе войны, когда было уничтожено 25 % ее населения. Как отмечает Е. Гапова, хотя Победа и была советской, война с ее партизанским движением и масштабной мемориальной политикой в послевоенный период до сих пор остается богатым источником для воображения славного прошлого Беларуси. Тем не менее,

«Мы не знаем всей правды о войне. Ее история не так однозначна, как считалось ранее, и свидетельства этой неоднозначности, если попадают в печать [9], вызывают резкий протест, поскольку этос войны и ее безмерные жертвы стали в Беларуси основой конструирования истории нации и национальной идентичности. ». [10]

Принимая во внимание принцип возвеличивания войны, представляется сложным установить, что именно видят белорусские граждане в войне как главном означающем своей национальной идентичности. С одной стороны, этот подход отвергается оппозиционными интеллектуалами и молодым поколением как государственная пропаганда. С другой стороны, война с ее несчастьями и долгожданной победой была основой идентификации для поколения участников войны, а также для первого послевоенного поколения. Тем не менее, в период перестройки культ войны ослабел, в том числе благодаря критической переоценке системы советской пропаганды после «разоблачения» сталинских репрессий и геноцида. [11] К 60-летней годовщине освобождения Минска и Беларуси в 2004 году и 60-летию Великой Победы в 2005 тема войны вновь снова стала активно пропагандироваться.

Несмотря на свои, зачастую противоречивые, различия, все способы воображения национальной белорусской государственности основываются на предпосылке, будто Беларуси «недостает» национальной идентичности. В своей книге с провокационным названием «Беларусь:

Денационализированная Нация» Дэвид Марплз связывает утрату белорусского национального самосознания с процессами советской послевоенной урбанизации и русификации: «Без родного языка и в тени большого славянского соседа с долгой имперской традицией национальное развитие в Беларуси было практически невозможно» [12]. В свою очередь, Смит и др. в своем исследовании истории и национальной идентичности Беларуси и Украины отмечают, что «беларусская 'национальная идея' сравнительно слаба, и наилучшим возможным способом поддержать ее на плаву остается переработка старых мифов». [13]

Беларусь, таким образом, довольно далека от той «нации», какой ее хотели бы видеть интеллектуалы, а также политологи и обществоведы. Тем не менее, такое категоричное признание «нехватки» национальной идентичности в Беларуси опирается на предпосылку того, что существует нечто, признаваемое как национальное государство, национальная идентичность и национальное чувство.

В такой аргументации «национальная идентичность» предстает как социально и политически «реальный» объект с четко определяемыми границами. Рассмотрение Беларуси как государства, которому «недостает» национальной идентичности, основывается на предпосылке, что существует некий канон для характеристики государств по степени развития их «национального самосознания». Согласно такой логике, Беларусь не соответствует критериям «национального государства», но речь не об этом. Вопрос скорее в другом: должна ли Беларусь иметь национальную идентичность и если да, то почему?

Национальное государство и его гегемония

Понятие национального государства можно рассматривать как гегемонную конструкцию - структуру работающую на уровне культурной гегемонии. Если давать широкое определение, то гегемония – это система доминирования одной социальной группы над другой посредством взаимосвязей, которые действуют на уровне «рутинных» культурных практик и установок, легитимирующих наличные формы социальной стратификации. Грамши использовал понятие гегемонии для того, чтобы объяснить классовую борьбу. Тем не менее, это понятие можно применить к более масштабным, «воображаемым» формациям, таким как национальное государство. Определить национальное государство как гегемонную конструкцию позволяет натурализация той идеи, что большинство стран являются национальными государствами, а также само собой разумеющееся понимание и признание национального государства в качестве желанной и выгодной формы общественного устройства.

Будучи гегемонной конструкцией, национальное государство обеспечивает существующее социальное и культурное доминирование, но этот процесс является обоюдным. Во-первых, в каждом конкретном обществе национальное государство производит и легитимирует существующее разделение ресурсов между разными группами. Во-вторых, признание страны в качестве национального государства играет важную роль в регулировании ее отношений (т.е. стратификации) с другими странами. С внутренней стороны доминирование может выражаться в процессах включения/исключения, в решении о том, кто может, а кто не может быть членом национального государства. С внешней стороны степень выраженности национального самосознания может быть использована в качестве аргумента для того, чтобы определить позицию страны по отношению к другим национальным государствам – уже признанным в таком качестве, и обладающим большим влиянием.

Бенедикт Андерсон отмечает, что после распада европейских империй и двух мировых войн национальное государство стало универсальной нормой существования для любой страны, а также что «выживающие империи охотнее выступали в национальном костюме, чем в имперской униформе» [14]. Так, ко времени распада СССР, национальное государство уже были доминирующей формой государственности по крайней мере в течение 40-45 лет. Резюмируя позицию Андерсона, можно сказать, что национальные государства обладают набором узнаваемых черт. К ним относится использование стандартизированных национальных языков, наличие печатной культуры на национальном языке, разделяемые гражданами мифы о происхождении, истории и территории, и, что особенно важно, экономические/капиталистические и культурные

формации, которые делают возможным распространение этих мифов и возникновение чувства принадлежности к нации. [15]

Язык в этом контексте занимает важное место:

Ошибочно рассматривать язык в духе некоторых националистических идеологий – как эмблему национальной идентичности, по аналогии с флагом, народными танцами и тому подобным. Гораздо более важной чертой языка является его способность создавать воображаемые сообщества, возникающие из локальных эффектов солидарности. [16]

Однако, представление о языке как эмблеме национальной идентичности весьма влиятельно и десятилетиями легитимируется академическим и научным дискурсом, напр. философия Гегеля или филология В. фон Гумбольдта рассматривают национальный язык как «дух» народа. [17] В этом теоретическом русле – «настоящая» нация должна говорить на «национальном» языке – пребывает и белорусский национальный дискурс, для которого вопрос о языке является центральным. Белорусский язык рассматривается как отчужденный, забытый и даже преданный символ национального (само)сознания: «Белорусское общество травмировано языком. Язык стал символом национального рождения и возрождения, символом демократии» – считает белорусский интеллектуал Александр Адамянц [18]. «Языковая проблема» вот уже более 20 лет находится в центре процесса конституирования национальной идентичности в Беларуси. [19]

Следуя гегемонному принципу – каждая нация должна иметь свой национальный язык – белорусские интеллектуалы и интеллигенция утверждают, что белорусская национальная идентичность утрачена или трудновосстановима, поскольку белорусский народ отказывается говорить на своем родном белорусском языке. В этой связи возникает несколько вопросов. Во-первых, почему использование белорусского языка как основного или единственного государственного языка априори приведет к росту национального самосознания? Во-вторых, кто определил белорусский язык в качестве национального языка для всех граждан Беларуси?

Как части белорусского общества, мне предписывается считать белорусский язык родным и предпочитать его другим своим родным языкам и языкам повседневного общения. Я вырос, в одинаковой мере используя и русский, и белорусский языки; я также закончил школу с углубленным изучением английского языка, что зачастую было более сильной основой для личностной идентификации, поскольку знание английского было преимуществом, не доступным многим моим сверстникам. Однако, языки, которыми я владею, не угрожают моей идентичности как белоруса. Использование только белорусского языка не может сделать меня большим белорусом, чем я являюсь. Другими словами, в Беларуси моя национальная идентичность не связана с языком, на котором я говорю. За рубежом меня обычно ассоциируют с «русским», как впрочем и всех выходцев из стран бывшего СССР «европейского» происхождения, вне зависимости от их национальности. Мой мультилингвизм скорее атипичен на фоне всей страны, но вполне нормален для городской интеллигенции. Я вырос в столице и учился в элитных школах, что дало мне определенные привилегии и поставило меня в центр белорусского общества. Использование языков и «переключение» между ними, которое необходимо в столице, не всегда эффективно в маленьких городах и сельской местности, где люди имеют другие мотивации для языкового выбора и/или меньше оснований для перехода с одного языка на другой.

Выбор языка общения в Беларуси зависит от того, какие возможности и выгоды открываются с использованием данного языка. [20] Например, в западных регионах Беларуси в некоторых группах распространено ситуативное использование «разговорного» польского языка, поскольку для многих людей он является одним из родных языков или языком предков. В то же время, для некоторых групп польский считается языком Евросоюза, поскольку для них Польша является наиболее доступной и «понятной» его частью. Таким образом, в Беларуси использование языка в большей мере связано с экономическими возможностями, чем с национальной идентичностью. Например, высокооплачиваемая работа в Минске и региональных центрах требует владения русским языком (по возможности без белорусского акцента и трасянки – смеси белорусского и русского языков, который связан со стереотипом «деревенскости» или «отсталости»). [21]. Однако, для работы в наиболее престижных местах, например, в немногочисленных международных организациях, НГО и

международных бизнес-корпорациях уже требуется свободное владение английским, немецким или французским языками, поскольку они являются «рабочими».

Эти социо-экономические процессы идут вне зависимости от дебатов о том, на каком языке должны говорить беларусы. Вопрос в том, какая из групп оказывается более маргинализированой, и ответ на него зависит от того, кто обладает полномочиями решать, что и как должны говорить и делать беларусские граждане. Беларусские интеллектуалы являются той группой, которая производит дискуссию о языке в качестве ключевой части национального проекта.

Беларусские интеллектуалы: производство дискурсов как производство ресурсов

При обсуждении гегемонии нельзя не коснуться темы интеллектуалов и их гегемонной функции. В теории интеллектуалы «органически» производны от/из общества и поэтому в состоянии критически рефлексировать его состояние. Они также контролируют властные отношения и производят дискурсы, создающие образы прошлого, настоящего и будущего этого общества. Наделенные этой властью, интеллектуалы действуют как еще одна гегемонная конструкция. Любое общество «запрашивает» интеллектуалов для того, чтобы выразить его потребности и внутренние стратификационные изменения. В случае Беларуси интеллектуалы настаивают на необходимости национального единства и национального самосознания, что видно на примере «дискуссии о языке», и на необходимости переосмысления того, что посредством языка, территории и истории квалифицируется как «подлинно» беларусское.

Однако, в беларусском национальном контексте существует контр-дискурс. Елена Гапова, исследователь гендерной и национальной проблематики, переносит внимание с благородных целей национального возрождения в поле корпоративных интересов беларусских интеллектуалов как социальной группы. По ее мнению национальные дискурсы в Беларуси выражают не национальное, а классовое чувство; главный смысл национального чувства заключается не в национальной идентификации участников, а в их классовых интересах. [22] Е. Гапова утверждает, что перспектива «назад в Европу» приемлема лишь для тех социальных групп, которые в состоянии «пойти в Европу», т.е. смогут выжить в новой системе распределения ресурсов, которая вряд ли будет принята другими группами. Поэтому Е. Гапова пишет: «Не получается у бабки Авдотьи из колхоза «Новы шлях» картошку в капитал конвертировать, как это возможно с ресурсами интеллектуалов, а других ресурсов – помимо картошки, которая вынуждена будет теперь конкурировать с картошкой голландской, – у этой категории населения нет.» [23]. Именно поэтому данная социальная группа голосует за социалистическую систему.

Более того,

Интеллектуалы, оказываясь вовлеченными в социальный процесс, которого они не могут избежать, артикулируют интересы «стоящего за ними» восстающего (или глобального) класса, хотя обычно убеждены, что у них нет иного интереса, кроме служения истине и своему народу. Искренность большинства тех, кто отстаивает в Беларуси национальный язык, говорит на нем и хочет в нем жить, несомненна. Тем не менее вера в благородство цели не исключает социальных агентов из структурной ситуации, которая находится вне их и создается помимо их желания или даже осознания самого факта присутствия в ней. На самом деле интеллектуалы – как белорусско-, как русскоязычные – замещают интересы воображенного ими народа своими корпоративными интересами, которые вырастают из роли интеллектуалов в поле символического производства и которые, хотя не непосредственно экономической природы, связаны с экономическими возможностями, социальным капиталом и властью. [24]

С распадом СССР в образовавшихся новых государствах начались серьезные политические и экономические трансформации. Национализм стал источником легитимации пост-советского социального порядка, мобилизации масс, а также предоставил появившемуся новому классу интеллигенции благородную национальную цель. [25] Позиция Е. Гаповой подвергается резкой критике и отвергается беларусскими интеллектуалами. Реакции на ее публикации свидетельствуют о том, что ключевая проблема заключается во взаимоотношении интеллектуалов и беларусского народа. [26] С одной стороны, интеллектуалы отказываются рассматривать себя в отрыве от «народа»: «Честно говоря, мне немного странно это противопоставление народа и интеллектуала.

Интеллектуал, что, не народ? По-моему, интеллектуалы всего лишь одна из групп народа, если последний понимать как население Беларуси (если речь идет о белорусских интеллектуалах и белорусском народе)» - утверждает белорусский феноменолог Ольга Шпарага. [27] Белорусский философ Франц Корзун также считает противопоставление интеллектуалов и народа неприемлемым. Он отмечает, что это противопоставление способствует пониманию «народа» как подчиненной социальной группы и является признаком интеллектуального высокомерия и снобизма. [28] Однако, категория «народ» является фантазией, как впрочем и идея нации. Сам разговор о включении/исключении интеллектуалов как группы в целое «народа» является воображаемой конструкцией, которая обусловлена интересами тех, кто этот дискурс производит. С другой стороны, когда речь идет о простых людях, в дискуссиях белорусских интеллектуалов часто встречается уничижительные обороты, напр., «темные и безмозглые деревенские бабки», «плебс», «крэйзанутыя бабулькі» или «что с них взять, они ж не рациональные» [29].

Социокультурная позиция белорусского интеллектуала по крайней мере двойственна. Белорусские интеллектуалы принадлежат к образованным элитам, находятся в центре белорусского общества и обладают доступом к определенным ресурсам. В то же время, за пределами родной страны белорусские интеллектуалы оказываются среди маргинализованных групп, поскольку они принадлежат к «третьему», «развивающемуся» миру. Например, в глобальном контексте интеллектуалы, будучи гражданами Беларуси, подчиняются визовому законодательству, что затрудняет их мобильность и как следствие, отдаляет шанс стать «настоящими гражданами Европы». Визы, как известно, не нужны только для поездок на Кубу и в Сербию.

Однако, внутри национального проекта взаимоотношение народа и интеллектуалов, делающих упор на использовании национального языка, является более проблематичным. Бенедикт Андерсон отмечает, что «официальные» национальные движения в Европе «были исторически невозможными» до появления народных языковых национализмов, поскольку, в основе своей они являлись реакцией властных групп – в первую очередь, но не обязательно, династических и аристократических –, которые чувствовали угрозу исключения из народных воображаемых сообществ или маргинализации внутри них» [30].

Это дает повод рассмотреть белорусский национальный дискурс через самопозиционирование интеллектуалов и их отношение к белорусскому народу. Озабоченность интеллектуалов «утратой» белорусами их национального самосознания вкупе с дискуссией о национальном языке, переписыванием истории и опасениями по поводу будущего страны - будущего, в котором белорусские интеллектуалы автоматически окажутся в привилегированном положении – все это можно рассмотреть как реакцию на угрозу их исключения из белорусского общества.

В белорусском обществе интеллектуалы составляют особую группу, особенно белорусско-говорящие интеллектуалы, использующие особую грамматику белорусского языка, созданную в начале 20 века, до того как над ним надругалась политика русификации. [31] Люди из белорусско-говорящей сельской местности с трудом их понимают, как в прочем и те, кто изучает «кодифицированный» белорусский язык в школах и университетах. Интеллектуалы продвигают проект истории Беларуси как части Европы, при этом многие отказываются считать новейшую историю Беларуси частью своей национальной идентичности. Например, Лявон, участник форума белорусского интеллектуального сообщества, описывает следующую ситуацию:

«[один чувак], стоя в кафе "Старое место" перед литографией с белорусским текстом, заявил что от литографии пахнет дерьмом. На мой вопрос о его национальности, он недоуменно ответил: белорус. После несложного силлогизма в его адрес, в котором прозвучало: если для тебя от белорусского тянет дерьмом, то, соответственно, сам не лучше пахнешь, парень обиделся».[32]

Другими словами, для некоторых людей самоидентификация в качестве белоруса не означает привязанности ко всему или чему-то белорусскоязычному или имеющим белорусское происхождение. Непосредственная связь территории, истории, языка, национальной идентичности и самоидентификации, существование которой предполагают интеллектуалы, не является реальностью для белорусского общества и, возможно, никогда ей не станет.

Наконец, кажется, что белорусский интеллектуальный дискурс о нации не выходит за пределы самого сообщества интеллектуалов. Интеллектуалы моделируют будущее Беларуси и ожидают ответной реакции от белорусского населения. Но оно не отвечает. Отчасти потому, что простые люди не могут соотнести себя с предлагаемыми моделями «новой» белорусской истории и национальной идентичности, отчасти потому, что интеллектуальный дискурс в Беларуси элитарен и замкнут на самом себе. Чтобы участвовать в национальном дискурсе, белорусский народ должен иметь хоть какой-то доступ к нему. Белорусские интеллектуалы порождают новый национальный дискурс, рассчитывая на (гипотетический) ответ белорусского народа. Но ответа нет: в этом случае возникает тревога.

Это дает повод думать, что белорусские интеллектуалы потенциально исключены из белорусского общества, и что в будущем вероятно появление новой группы интеллектуалов, которые заменят существующих. Если вызывает центр, то почему ему никто не внимлет? Либо не верен призыв, либо группа, его производящая, не имеет голоса в публичном дискурсе. Интеллектуалы – вне зависимости от того, определяются они в таком качестве изнутри группы или извне ее – по определению не производят «неверных» призывов. Следовательно, более вероятно, что их бессилие затронуть народные массы является результатом исключения. Угроза исключения вынуждает белорусских интеллектуалов периодически подчеркивать свою принадлежность к воображаемому «белорусскому народу». При этом гегемонный статус и символический капитал позиции интеллектуалов замедляет и усложняет процесс их маргинализации.

Заключение

Атрибуты национального государства в Беларуси, такие как национальный язык и история, противоречат традиционным представлениям о национальном государстве. Интеллектуальная дискуссия о национальном языке потерпела фиаско, потому что в Беларуси язык не обязательно понимается как источник национальной идентификации, а также потому, что обычно белорусы в некоторой степени владеют более чем одним языком. Более того, «выбор» языка(ов) общения, которые не обязательно предпочитают, но определенной мере используются, зависит от географической, этнической или классовой идентификации и различен в разные эпохи. Например, Григорий Йоффе отмечает, что в белорусских городах в начале 20 века кроме белорусского говорили на идише, польском и русском. Идиш исчез к началу 2-й Мировой войны, а после войны русский язык вытеснил польский из западной части Беларуси. При этом вняли какой-то один из этих языков был «единственным» языком и, по определению, источником национальной идентификации. Скорее, языки сосуществовали и использовались ситуативно. Проблема возникает, когда «шаблоны» национального государства, например, «нация должна говорить на одном национальном языке», применяются к белорусскому обществу. Такая постановка вопроса не всегда релевантна: так на вопрос «Но почему же (белорусский) народ не говорит на своем родном языке?» [34] некоторые белорусские граждане могут ответить: «На котором?»

«Общая территория» и история также не существуют здесь в их традиционных смыслах, поскольку территория Беларуси неоднократно делилась, что способствовало появлению у населения подвижной идентичности. Этот тип идентичности никогда не разделялся всем населением Беларуси и часто отличался от поколения к поколению. В 20 веке эти различия даже усугубились: люди либо погибали в войнах или от репрессий, либо были вынуждены покинуть страну. В результате каждое поколение имеет свою собственную систему координат, особую социальную и политическую историю и, следовательно, свой особый контекст для соотнесения личной и национальной идентичности. Нестыковки и несовпадения в опыте разных поколений в Беларуси не позволяют определить историю и культуру Беларуси как единый «социальный организм, размеренно движущийся сквозь гомогенное, пустое время», который, согласно Б. Андерсону является «точным аналогом идеи нации, которое из себя представляет однородное сообщество, последовательно движущееся вниз (или вверх) по истории» [35]

Тем не менее, многообразие и неоднородность белорусского населения скорее подчеркивает его национальную идентичность, чем противоречит ей. Белорусское общество ведет себя как нация, пусть ему и отказывают в этом статусе западные исследователи и белорусские интеллектуалы. Вероятно, что белорусское национальное чувство не «утрачено», как утверждают историки, политологи и теоретики национализма. Оно просто может иметь другие формы выражения: не в качестве монолингвистической идентичности с четкими границами, но как многообразное

смешанное целое. Тем не менее, «инаковость» национальной идентичности в Беларуси не отменяет воздействия гегемонного и регулятивного определения канонического национального государства.

Беларусский национальный дискурс строится на двух взаимосвязанных и неотделимых друг от друга гегемонных конструкциях: гегемонии национального государства и гегемонии интеллектуалов. Гегемония национального государства производит, распространяет и легитимирует идею нации как нормативной и прогрессивной формы государственности: «формальная универсальность национальности является социокультурным понятием – в современном мире каждый может, должен и будет 'иметь' национальность, так же как и пол» [36] Гегемония интеллектуалов создает, продвигает и обосновывает образ интеллектуалов как необходимых протагонистов исторического развития, и подчеркивает важность идей, которые они выражают. [37] Интеллектуалы «наделяют» сообщество «однородностью и осознанием его собственного устройства не только в экономическом, но и в социальном и политическом поле» [38].

Дать определение нации можно через «отношение, известное как этничность, в котором нация охватывает всех людей, говорящих на одном языке, имеющих общую историю или более широкую культурную идентичность». [39] Интеллектуалы предъявляют идею национального государства белорусскому народу и выражают способы, какими Беларусь может достичь национального самосознания. Подтверждая гегемонный характер национального государства, дебаты белорусских интеллектуалов о нации представляют белорусский язык как единственный «родной» национальный язык, «новейшую» историю Беларуси как часть истории Европы и приветствуют рост национального самосознания белорусов. Настаивая на необходимости возвращения Беларуси в Европу, национальный проект также позволяет белорусским интеллектуалам выбирать и предлагать ту модель белорусского национального единства, которая наилучшим образом соответствует их корпоративным интересам. В принципе, белорусский национальный дискурс сконструирован в соответствии с традиционной моделью гомогенного национального государства, обладающего известными атрибутами: общими языком, историей, культурой и территорией. Принимая во внимание гегемонное, «само собой разумеющееся» понимание важности национального государства и интеллектуалов как общественных лидеров, национальный проект в Беларуси в настоящее время обладает большим потенциалом. Поскольку Беларусь еще не признана в качестве «настоящего» национального государства со всеми его необходимыми атрибутами, производство национального дискурса, артикулирующего «народу» знание о его национальном «происхождении», «принадлежности», «языке», «истории» и «идентичности» остается актуальным.

В случае современной Беларуси успех национального дискурса проблематичен. Причина отчасти в том, что такая специфическая форма социальной организации, каким является национальное государство, достигает уровня гегемонной конструкции только в определенных политических и экономических условиях, а на это требуется время. Суть становления национального государства заключается не просто в его «возникновении». Речь идет о вписывании нового государства в уже существующие иерархии национальных государств и над-государственных образований, таких как Европейский Союз. Каждая страна обладает своим символическим капиталом в виде экономического благосостояния, культуры и политики гражданства, и все эти факторы нужно признать значимыми и включить в белорусский национальный проект.

Примечания

Я благодарен Регне Дарнелл и анонимному рецензенту журнала *Nationalities Papers* за советы и комментарии при подготовке этой статьи.

1. Кэтрин Вердери. Куда идут нация и национализм? *Daedalus*, Vol. 122, No. 3, 1993, p. 38. (русская версия доступна <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a197.htm>)

2. Как автор данной статьи я выражаю свою личную точку зрения на интеллектуальные дебаты о национализме в Беларуси. Я родился, вырос и получил образование в столице Беларуси г. Минске и идентифицирую себя с городской интеллигенцией. В то же время, я получил высшее образование за рубежом, и там получил представление о том, какое место занимает воспроизводство белорусской

национальной идентичности в более широком геополитическом контексте. Обозначенная в статье критическая перспектива неизбежным образом отражает мою частную точку зрения, а также внутреннее напряжение между моей личной идентичностью и таким проблемным образованием как беларусская национальная идентичность.

3. Об этой метафоре см. подробнее статью Е. Гаповой «Края края Европы»// Женщины на краю Европы (под ред. Е. Гаповой, Минск, ЕГУ, 2003, pp. 7-11.)

4. См., напр., David Marples, *Belarus: A Denationalized Nation* (Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1999), pp. ix-x;
Jan Zaprudnik, *Belarus: At a Crossroads of History* (Boulder, San Francisco and Oxford: Westview Press, 1993), pp. 229-245.

5. См. подробнее Elena Gapova, "The Nation in Between; or, Why Intellectuals Do Things with Words," в Sibelan Forrester, Magdalena J. Zaborovska and Elena Gapova, eds, *Over the Wall/After the Wall: Post Communist Cultures through a Western Gaze* (Bloomington: Indiana University Press, 2004), pp. 65-79; Е. Гапова. Белорусские интеллектуалы: между классом и нацией // Топос, № 10, 2005, или сетевая версия статьи <http://www.belintellectuals.com/discussions/?id=44> (посещение 12 июня 2006)

6. Elena Gapova, "The Nation in Between," p. 70.

7. Elena Gapova, "On Nation, Gender, and Class Formation in Belarus . . . and Elsewhere in the Post-Soviet World," *Nationalities Papers*, Vol. 30, No. 4, 2002, pp. 639-662.

8. «Великая Отечественная война» означает боевые действия во время Второй Мировой войны на территории государств бывшего СССР, в т.ч. Беларуси, которая находилась в немецкой оккупации более 3 лет, с июня 1941 по июль 1944. Я даю это пояснение, поскольку термин «Великая Отечественная война» отсутствует в англоязычном западном дискурсе.

9. См., напр., работы Нехамы Тэк о еврейском партизанском движении в Беларуси, особенно ее эссе «У партизан: судьба женщин», опубликованное лишь в 2003 г. в сборнике об истории женщин в Беларуси. Тэк упоминает случаи, когда советские партизаны беларусского или славянского происхождения насиловали еврейских женщин, которые сбегали к партизанам в лес из городских гетто. Подобные «негероические» свидетельства о войне подвергаются в Беларуси жесткой цензуре. Нехама Тэк, «У партизан: судьба женщин» // Женщины на краю Европы (под ред. Е. Гаповой), Минск, ЕГУ, 2003, сс. 168-187. См. также Nechama Tec, *Defiance: The Belski Partizans* (New York: Oxford University Press, 1993).

10. Elena Gapova, "On Nation, Gender, and Class Formation," pp. 646-647.

11. Раскопки в Куропатах, урочище под Минском, где в 1939 г. НКВД проводило массовые расстрелы, имеет огромное значение для переоценки советского прошлого в Беларуси. См., напр., З. С. Пазняк, М. М. Крывальцэвіч и А. В. Іоў. Курапаты: [справаздача аб археалагічных раскопках (эксгумацыі) пахаванняў ва урочышчы Курапаты (Брод), Міснкага раёна, Бараўлянскага сельсавета] (Менск, НУ: Беларускі Інстытут навукі і мастацтва, 1993). См. также соответствующие разделы у Я. Запрудника, *op. cit.*, pp. 131-132 и Д. Марплза, *op. cit.*, pp. 54-58.

12. David Marples, *op. cit.*, pp. 50-52.

13. Graham Smith, Vivien Law, Andrew Wilson, Annette Bohr and Edward Allworth, *Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identities* (Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1998), p. 46.

14. Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism* (London: Verso, 1983), p. 104. (здесь и далее перевод с английского – прим. перев.)

15. Ibid., pp. 41–42, 66–67, 106–108, 122–123, или в др. изданиях.

16. Ibid., p. 122.

17. См. G. W. Friedrich Hegel, "The Philosophy of History," в Vincent P. Pecora, ed., *Nations and Identities: Classic Readings* (Oxford: Blackwell, 2001), pp. 128–131; Wilhelm von Humbolt, "The Character of Languages," в *Linguistic Variability and Intellectual Development* (Coral Gables, FL: University of Miami Press, 1971), pp. 126–159, или в др. изданиях.

18. А. Адамянц Интеллектуалы и язык (ответ Виталию Силицкому), <http://belintellectuals.com/community/community.php?id=35>

19. О полемике вокруг вопроса о языке в Беларуси см. Grigory Ioffe, "Understanding Belarus: Questions of Language," *Europa-Asia Studies*, Vol. 55, No. 7, 2003, pp. 1009–1047; Alexandra Goujon, "Language, Nationalism, and Populism in Belarus," *Nationalities Papers*, Vol. 27, No. 4, 1999, pp. 661–677.

20. Выражение «выбор языка» здесь не означает, что граждане Беларуси могут выбирать, говорить или не говорить, например, по-польски. Оно означает, что в стране в обращении используется несколько разговорных языков в зависимости от ситуации. В этой статье я не обсуждаю причины, по которым определенные языки бытуют и иногда требуются от белорусов. Здесь важнее подчеркнуть мультилингвизм белорусского населения.

21. Elena Gapova, "The Nation in Between," pp. 68–70. О тряснке см. также: Alexandra Goujon, *op. cit.*, p. 668; Grigory Ioffe, *op. cit.*, pp. 1014–1017.

22. Elena Gapova, "Belorusskie intellektualy."

23. Ibid.

24. Елена Гапова. О политической экономии национального языка в Беларуси // *Ab Imperio*, No. 3, 2005, (посещение 12 июня 2006 г.).

См. также <http://www.belintellectuals.com/discussions/?id=108> (прим. перев.)

25. Elena Gapova, "Belorusskie intellektualy."

26. Здесь я ссылаюсь на обсуждение статьи Е. Гаповой «Белорусские интеллектуалы: между классом и нацией» на сайте Интеллектуального сообщества Беларуси (<http://belintellectuals.com/discussions/comments.php?num=0&id=44> (посещение 12 июня 2006)). В ходе обсуждения было сделано несколько чересчур личных и оскорбительных высказываний в адрес Е. Гаповой, а некоторые комментарии скорее нужно назвать истеричными, чем интеллектуальными. Е. Гапова является одним из немногих критических голосов в белорусском интеллектуальном национальном дискурсе. Вместо того, чтобы воспевать тему «языка и демократии в Беларуси», что было бы уместно в гегемонном интеллектуальном дискурсе, где статус интеллектуала не подвергается сомнению, Е. Гапова анализирует связи между «национальным призывом» и группой, которая его артикулирует в отношении к другим слоям современного белорусского общества. Поэтому иногда подход Е. Гаповой (ошибочно) расценивается как угроза: «Ваша [Е. Гаповой] цель проста – Вы хотите понизить статус здешнего интеллектуального сообщества, чтобы создать свой собственный интеллектуальный капитал». См. комментарий от 13 июля 2005 г. по адресу <http://belintellectuals.com/discussions/comments.php?num=0&id=44>. Такие персональные выпады в адрес Е. Гаповой объясняются двумя причинами: ее критическим отношением к белорусскому национальному дискурсу и феминистской точкой зрения. Исследования Е. Гаповой часто ассоциируются с феминизмом и гендерными исследованиями, при том, что ни один из этих научных дискурсов не признан белорусским научным сообществом. Феминизм и гендерные исследования вызывает политические ассоциации с Западом, а сами исследователи часто получают презрительные упрёки в получении финансирования из-за рубежа. В то же время, пост-советский

«традиционный» дисциплинарный подход несовместим с гендерной/феминистской теорией, которая опирается на западную исследовательскую парадигму. Диалог между белорусской и западной академическими традициями априори затруднен, поскольку отсутствует общая научная парадигма. О проблеме институализации гендерных исследований в странах бывшего СССР см., напр., Сергей Ушакин. Человек рода он: футляры мужественности // Вопросы философии, № 7, 2005, сс. 34-56; Ирина Жеребкина и др. Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР // Гендерные исследования, № 5, 2000, сс. 8-42.

27. Ольга Шпарага, комментарий от 27 июня 2005: 03:30,
<http://belintellectuals.com/forum/viewtopic.php?t=45> (посещение 12 июня 2006 г.).

28. Франц Корзун, комментарий от 1 июля 2005: 12:47,
<http://belintellectuals.com/forum/viewtopic.php?t=45> (посещение 12 июня 2006 г.)

29. Елена Гапова, комментарий от 3 июля 2005: 07:25 and 19 July 2005: 01:54,
<http://belintellectuals.com/forum/viewtopic.php?t=45> (посещение 12 июня 2006 г.).

30. Benedict Anderson, *op. cit.*, p. 102.

31. По поводу разных версий белорусского языка см. Elena Gapova, "The Nation in Between," pp. 86–87, примечание № 30.

32. Лявон, комментарий от 27 июня 2005: 02:27, <http://belintellectuals.com/forum/viewtopic.php?t=45> (посещение 12 июня 2006 г.)

33. Grigory Ioffe, *op. cit.*, pp. 1024–1025.

34. *Ibid.*, p. 1022.

35. Benedict Anderson, *op. cit.*, p. 31.

36. *Ibid.*, p. 14.

37. Giuseppe Vacca, "Intellectuals and Marxist Theory of the State," in Anne Showstack Sassoon, ed., *Approaches to Gramsci* (London: Writers and Readers, 1982), p. 41.

38. Antonio Gramsci, *The Prison Note Books* (New York: International Publishers, 1971), p. 5.

39. Katherine Verdery, *op. cit.*, p. 38.

Оригинал публикации: "Questioning the Hegemony of the Nation State in Belarus: Production of Intellectual Discourses as Production of Resources," *Nationalities Papers*, Vol. 34, No. 5, 2006, pp. 623–635.

Перевод: Алексей Медвецкий